

Ретрожизнь – жизнь под куполом советской истории (статья первая)

В статье представлена попытка реконструкции тех предельных исторических оснований и форм осуществления современной российской жизни, которые превращают ее в ретрожизнь. Как показал проведенный анализ, среди этих оснований особое место занимают те «основоустройства» советской истории (тоталитаризм, строительство социализма), специфическое единство которых в настоящее время образует несущую конструкцию своеобразного купола, воздвигнутого властью над жизнью и историей постсоветской России. Делается вывод о том, что под ним в соответствии с законами «избыточной истории» и с помощью порождаемых ею исторических дискурсов происходит своеобразный синтез некоторых ретроориентаций, в результате чего возникает устойчивая система координат «круговорота самости» исторического бытия современной российской жизни и истории. Автор утверждает, что, попадая в этот круговорот, ее бытие не просто истощается, но обесмысливается – наступает «катастрофа смысла». В статье подробно рассматривается то, каким образом, с помощью каких механизмов и средств, находясь под куполом советской истории, ретрожизнь в расширенных масштабах воспроизводит свободу власти и несвободу общества, превращает в бессмысленную и катастрофическую жизнь современную историю России.

Ключевые слова: советская история; ретрожизнь; ретроориентации; исторические дискурсы; свобода; власть; смысл.

Современная историческая жизнь России представляет собой сложный и противоречивый процесс ее самоопределения в качестве самодостаточного исторического мира, потенциально способного не только быть, но и стать субъектом всех своих судьбоносных превращений. В непростых условиях радикального социального обращения и достаточно хаотичного исторического транзита российское общество пытается найти, раскрыть тот единственный способ суверенизации своего «судьбоносного исторического пути» (Хайдеггер), который может обеспечить его естественное и эффективное существование в современном мире. В данной статье мы попытаемся в самом первом приближении, с помощью метафизической реконструкции форм и способов реализации избранного Россией на рубеже двух тысячелетий пути, объяснить необходимость невозможности осуществления его «сплошного», «непрерывного», «положительного» (Сартр) бытия, раскрыть причины неспособности современной российской истории обрести свою самость и реальную историчность.

Современное российское общество больно историей. Господствующие исторические дискурсы в условиях абсолютного оскудения жизненных сил практически беспрепятственно разносят в форме различных социокультурных, политических нарративов вирусы чрезвычайно заразной и всепроникающей «исторической болезни» (Ницше), затягивающей, погружающей нас не только в сознании, но и в реальности в бездонные и безграничные сферы ретрожизни, хитро и незаметно подменившей *vivo, ergo cogito* на превратно понятое *cogito, ergo sum*. Избыток продуцируемой ими с помощью «жутко шевелящейся фабрики понятий и слов» [3] истории подрывает жизненные основы постсоветского общества, превращает его в евнуха, охраняющего недоступный ему даже в мыслях исторический гарем. В этих условиях поиск ответа на вопрос о том, как «может быть восстановлено

---

* Владимир Анатольевич Лоскутов, д-р филос. наук, профессор (г. Екатеринбург).
E-mail: rectoruapa@me.com

подорванное историей здоровье народа и как последнему снова обрести свои инстинкты и вместе с ними свою честность» [3] становится делом его жизни и смерти.

Ретрожизнь – это жизнь современной России «под куполом» (С. Кинг) советской истории. Она возникает в процессе преобразования жизни постсоветского общества и становится самодостаточным историческим феноменом в результате ее последующего переустройства по канонам термидорианского переворота. Речь в данном случае идет не о воспроизводстве некоторых отдельных событий и состояний, свершений и побед славного прошлого, о чем так любят размышлять различного рода либеральные критики существующего режима, а о целостном и непрерывном бытии советской истории, которая в результате известных событий никуда не исчезла, но стала невидимым, прозрачным, непроницаемым для обычного света куполом, накрывшим нашу жизнь и кардинальным образом изменившим ее течение.

Купол советской истории не только формально и физически ограничивает основные проявления исторической жизни России, но и особым образом воздействует на ее бытие. Он является своеобразным увеличительным стеклом, через которое с определенной степенью интенсивности и эффективности проникают в настоящее лучи советского прошлого – проникает свет той звезды, которая многие годы и десятилетия была путеводной для советского народа и всякого советского человека, единственная освещала их судьбоносный путь в светлое будущее.

Пройдя сквозь купол советской истории, невидимые лучи, исходящие от этой звезды, своим смертельным излучением выжигают в жизни все то, что может хоть как-то помешать ей стать способом сохранения и воспроизводства, формального обновления советского прошлого. Наряду с этим они разжигают в ней многочисленные «костры» надежды, факелы энтузиазма и патриотизма для тех «евнухов истории» (Ницше), которые связывают с ней свою настоящую и будущую жизнь. Наконец, выжигая ненужное и лишнее, поджигая то, что еще в состоянии, пускай даже и абсолютно холодным светом, осветить наш путь во мраке наступающей тьмы, они пробуждают к жизни, восстанавливают в своих правах, хотя и в имитационных, симулятивных формах, все то «советское», что могло бы укрепить и углубить «позитивное бытие» ретрожизни.

Ретрожизнь возникает в процессе производства истории жизнью, в результате чего в ней выделяются некоторые ретроориентации, которые конституируют равноисходность экстазов ее временности («настающего», «бывшего», «актуальности»). Она воспроизводится тогда, когда история с помощью особых дискурсов («родов истории» (Ницше)) сама производит жизнь, качественно изменяя при этом природу и способы движения выделенных ретроориентаций, всячески способствуя их превращению в основоустройства жизни. В этом случае она произвольным образом меняет взаимоотношение разных временных экстазов существования жизни, превращая «бывшее» в безусловную доминанту ее временности. Наконец, она конституирует в себе возможность и способность качественного обновления. В результате в этой странной, «произведённо-производящей» жизни появляется некое особенное бытие – тождество в настоящем ее прошлого и будущего, которое представляет собой относительно самостоятельный способ осуществления «историчности» жизни и «жизненности» истории. Опосредованно им, единством, скрепленных, совмещенных с помощью различных исторических дискурсов «избыточной истории» (Ницше), ретроориентаций, ретрожизнь обретает в себе единый и единственный «живительный» источник «мертвой воды», столь необходимой ей для осуществления «круговорота самости» (Сартр).

Жизнь современной России превращается в ретрожизнь не только потому, что она каким-то странным образом оказалась под куполом советской истории, но и потому, что, оказавшись под ним, она попала в самый эпицентр бурно развиваю-

щейся эпидемии «исторической болезни», которая установила свои правила и законы взаимодействия жизни и истории. Прежде чем мы подробно и в деталях рассмотрим, проанализируем все возможные способы борьбы ретрожизни за свое существование в условиях эпидемии, в самом общем виде определим, что представляют собой те ретроориентации, которые образуют ее «основоустройства» (Хайдеггер); те дискурсы истории, которые порождают ее «избыточность», а также те открытые и замаскированные «бытийные структуры» (Хайдеггер), которые образуют несущую конструкцию советской истории как купола ретрожизни. Начнем с последнего.

Советская история

Прежде чем мы попытаемся зафиксировать, определить основные движущие силы ретрожизни, кратко охарактеризуем историческую природу того купола, который над ней возвышается. Он представляет собой не саму советскую историю, но некое сочленение «основоустройств» ее бытия. Чтобы проанализировать, каким образом они из основания исторического бытия жизни превращаются в купол, определим метафизический смысл их феноменального существования. В основе всякой исторической жизни лежит определенная *субстанция*, которая обновляется некоторым *субъектом*, конечная цель деятельности которого – раскрытие *свободы* как сущности ее бытия. Обретя в себе собственную субстанцию, обнаружив субъекта и присвоив свободу, историческое бытие еще не становится целостным. Оно раскрывает себя как целое лишь тогда, когда с помощью рефлексивного движения оборачивается на «основоустройства» своего существования и с помощью особых «бытийных структур» превращает их единство в *смысл* бытия. Как же все эти глубоко и тесно взаимосвязанные процессы происходили в советской истории?

Что является субстанцией советской истории? По нашему мнению, и с ним, вероятно, согласятся многие ее исследователи, субстанцией советской истории является революция. Не государственный переворот октября 1917 года, который мы иногда, руководствуясь в основном идеологическими соображениями, называем социалистической революцией, но тот способ *становления* советской власти, который, в конечном итоге, определил ее превращение в начало развития целостной советской истории. Революция заканчивается опосредованно процессом возникновения советской власти (государственный переворот), борьбой ее возникновения и исчезновения в процессе воспроизводства (гражданская война), превращением советской власти в основной результат и продукт становления советской истории (государственная, политическая, идеологическая институционализация власти в эпоху нэпа). Она заканчивается и из способа становления истории превращается в свою противоположность – превращается в то, что можно было бы назвать не только концом этого процесса, но и действительным началом *начала развития* советской истории. Как естественный и закономерный продукт ее становления советская власть осуществляется в особой форме - в форме *тоталитаризма*. С его появлением заканчивается, но не завершается процесс становления советской истории. Тоталитаризм является концом этого процесса – он его заканчивает. Но, для того чтобы становление завершилось, данный конец должен был стать началом развития советской истории. Для этого он должен был обрести определенную субъектную форму и в самой себе из субстанции стать субъектом. Что и случилось в конце 20-х – начале 30-х годов. В это время советская власть изменила не только форму осуществления, но и свое сущее – она превратилась из диктатуры пролетариата в диктатуру строителей социализма. Действительным началом развития бытия этого сущего стала особая форма осуществления исторической самодеятельности – строительство социализма. А единственным субъек-

том данного процесса, главным архитектором и прорабом стройки века стала тоталитарная власть.

Субъектом советской истории никогда не был человек или общество, отдельная социальная группа или класс, государство или партия, но всегда был тот превращенный способ деятельности советской власти, который «выдающиеся» деятели советской власти называли «социалистическим и коммунистическим строительством». По мере того как его присваивали и осваивали алчущие немедленного и прекрасного будущего «строители», которые на самом деле были всего лишь винтиками в огромной землеройно-строительной машине, процесс социалистического строительства превращался в историю возведения многочисленных «котлованов» (А. Платонов) и их заселения «хорошими людьми» (Он же).

По мере того как властвующие строители, постоянно ускоряясь, извращая, деформируя субстанциональные и субъектные основы советской истории, проектировали и строили для нас полный, окончательный, развитой социализм, пытались строить коммунизм, рождались различного рода странные состояния бытия ее «историчности»: оттепель, застой, перестройка. Каждое из них было попыткой соответствующего субъекта вернуться к субстанции своего бытия и вычленить в нем то сущее, которое было способно сделать его историческим. Вычленить из субстанции (революции) то, что могло бы качественно обновить его субъектность и вернуть бытию способность с помощью самостоятельности создавать свою самость. Последний раз «строители» советской истории попытались вернуть себе свое сущее, когда в 90-х годах, встав под знамена антитоталитарной и антисоциалистической революции, перестали, наконец-то, строить социализм, а стали безудержно строить капитализм. Тогда же этот субъект попытался освободить из застенков тоталитаризма советской власти искомую сущность собственной истории – свободу. Ему частично удалось это сделать, но с 1996 года, когда в России активно начался процесс строительства определенной формы существования капитализма – государственно-олигархического капитализма, когда стал набирать обороты процесс освобождения общества от свободы и увеличения степеней свободы власти, в результате чего зазор между свободой общества и свободой власти превратился в пропасть, этот процесс существенно затормозился. В 2000-х годах над возникшей в освобожденной свободе пропастью стали строить различного рода временные и постоянные конструкции «стабильности», которые должны были позволить «строителям» нового мира перейти на одну сторону, а тем, кто их строил, закрепиться на другой стороне пропасти. В результате негласного договора между властью и обществом свобода была распределена между всеми участниками этого великого похода таким образом, что свобода власти оказалась доминирующей силой общественного развития, а свобода общества превратилась в свою противоположность – своеобразный фон для осуществления власти свободой власти. В процессе исполнения ненаписанных статей данного договора власть свободы власти превратилась в единственного гаранта сохранения общего баланса свободы в исторической жизни современной России.

В результате строительства, суверенизации и бюрократизации властных отношений, их консолидации и превращения в авторитарную власть государства-корпорации существенно возросла степень свободы новоявленной российской власти. У нее появились не просто формальные, но реальные возможности для того, чтобы, с одной стороны, успешно для себя завершить процесс субстанционального и субъектного самоопределения обновленной формы развития советской истории, а с другой стороны, создать необходимые условия для конструирования с помощью этой формы качественно новых смыслов ее исторического бытия. В результате такого рода действий советская история, по мнению власти, должна была окончательно и бесповоротно воспарить над землей и превратиться в надежный

купол, полноценно и эффективно защищающий жизнь России и россиян от реальной свободы и возможности превращения этой жизни в «человеческую реальность» (Сартр). Для того чтобы получить такой результат, следовало кардинальным образом ускорить и так не прекращающийся ни на минуту процесс смыслообразования и смыслопреобразования советской истории – необходимо было сделать всё для того, чтобы живущее под почти уже прозрачным куполом советской истории «молчаливое большинство» (Бодрийяр) превратило свободу власти и собственную несвободу в смысл своего бытия. Чтобы оно само совершило «смыслубийство» своей истории. Преобразовало в смысл собственной жизни «особый путь» суверенного Российского государства и его идеологическое отражение – «патриотизм».

Освобождение советской истории от свободы – деформация и разрушение баланса свободы и несвободы исторического бытия ведет к ее обесмысливанию, т. е. к «испарению истории» (Бодрийяр), что, в свою очередь, грозит нам «катастрофой смысла» [1] и может привести к реальному «скончанию» (Хайдеггер) советской истории. Испарение истории и истощение ее смысла есть не что иное, как «искривление, из-за чего происходит совпадение начала и конца, они сводятся в одно, конец возвращается к началу, аннулируя его и оставляя место событию, которому ничто не предшествует и за которым ничто не следует – чистому событию» [1]. Вероятнее всего, этим «чистым событием» станет окончательное и бесповоротное саморазрушение советской истории как купола и соответствующие изменения в ретрожизни. Для того чтобы понять, как это может быть, нам следует в настоящем исследовании вернуться несколько назад и более обстоятельно описать тот феномен, который мы называем ретрожизнью. И начнем мы свой анализ с объяснения природы тех духовно-практических образований – ретроориентаций, которые конституируют целостность и смысл существования данной формы исторического бытия жизни.

Ретроориентации

Сегодня российская историческая жизнь ищет и находит себе оправдание в различного рода ретроориентациях, в переплетении реальных и мифологических исторических сил, с помощью которых она «временит временность» (Хайдеггер) своего бытия, обнаруживает в единстве экстазов «настающего, бывшести, актуальности» [5] его самость, конституирует основные жизненные ориентиры, намерения, мотивы, цели своей «экзистенции, фактичности и падения» [5]. Посредством ретроориентаций она пытается воссоздать свою, казалось бы навсегда утраченную, историчность и вернуть себя к полноценной исторической жизни, не замечая того, что очень часто в результате расширенного воспроизводства «избытка истории» (Ницше) происходит обратное – «жизнь разрушается и вырождается, а вслед за ней вырождается под конец и сама история» [3]. Так происходит потому, что в процессе своего движения некоторые из этих ретроориентаций образуют особое пространство непримиримого столкновения и противоборства реальной жизни людей и той истории, которая в данном случае осуществляется всего лишь «как чистая наука и, ставшая самодержавной, представляет собой для человечества род окончательного расчета с жизнью» [3].

Сами по себе ретроориентации ничего разрушительного, ничтожащего по отношению к истории и тем более к жизни не несут. Они могут быть бесконечно милыми, трогательными «воспоминаниями» о прошедшем, наступающем, актуальном. Ситуация кардинальным образом меняется, когда они попадают в сферу действия законов «избыточной истории», когда происходит «перенасыщение известной эпохи историей» [3]. В этом случае они превращаются в кровожадных «обжирал истории» (Ницше), которые с огромным энтузиазмом и нескрываемым

удовольствием пожирают не только историческую истину, но и реальную историческую жизнь. Прежде чем мы проанализируем то, как и при каких условиях, они превращаются в чудовищных монстров, питающихся исключительно «понятиями-ублюдками» [3], попытаемся в самом общем виде определить сущность всякой ретроориентации и раскрыть ту роль, которую они исполняют «в изучении истории для целей жизни» [3].

«Жизнь нуждается в услугах истории» [3], и она оказывает их ей путем формирования и обустройства в нескончаемом жизненном потоке неких островков ее устойчивого существования и воспроизводимого бытия. Оказавшись на службе у жизни, история не останавливает этот бурный и безграничный поток, не мумифицирует жизнь как прошедшее «прошлое». Она выявляет в ней истоки временности жизни и способы ее времени. Представляет их в виде относительно неизменных «бытийных структур», которые активно участвуют в формообразовании жизненного процесса как целого. Кроме этого, история, будучи своеобразным фильтром, пропускает через себя все самые важные для человека жизненные коллизии и превращает их в такие способы ее существования, единство которых обеспечивает целостность и смысл бытия его исторической жизни. Произведенные жизнью и историей формы осуществления жизненного потока и производящие их единство способы движения истории в жизни мы называем ретроориентациями. Легко видеть, что для нас «произведённо-производящие» ретроориентации не являются способом возвращения и погружения жизни в ее прошлое. Они живут и действуют в широком контексте обращения жизни с помощью истории к истокам своей временности (прошлого, настоящего, будущего). Что позволяет им достаточно успешно ликвидировать разнообразные, возникающие в процессе исторического движения жизни, «дыры бытия» (Сартр) и эффективно отводить от нее различные сокрытия, взламывать те, казалось бы, вечные преграды, за которыми жизнь скрывается от самой себя. В том числе, конституировать смыслы и целостность бытия жизни, что позволяет ей с помощью ретроориентаций проникать в потаенные сферы бытия своего сущего.

Ретроориентация – это форма погружения истории в жизнь и способ восхождения жизни к своей реальной истории. Данное предельно абстрактное определение ретроориентации останется таковым до тех пор, пока мы не раскроем, каким образом и во что она превращается в процессе историоризации не только жизни вообще, но жизни человека. Что, в свою очередь, требует более детального и глубокого анализа всего того, что происходит с ретроориентациями в процессе становления их в-себе и для-себя бытия. Выскажем в предельно краткой форме свои соображения по данному поводу, имея в виду прежде всего те конкретные цели, которые мы поставили перед собой выше и хотели бы достичь в настоящем исследовании.

В какой степени «жизнь вообще нуждается в услугах истории, есть один из важнейших вопросов, связанных с заботой о здоровье человека, народа и культуры» [3]. На этот далеко не очевидный вопрос вполне адекватный и рациональный ответ мы можем дать путем реконструкции, выяснения места и роли ретроориентаций в процессе исторического самоопределения жизни. Их значение нельзя абсолютизировать, ибо, находясь на службе у жизни, история использует не только ретроориентации, но также и другие средства и орудия для создания и выявления ее реальной историчности. Но и преуменьшать их значимость нельзя, ибо только ретроориентации, являясь универсальными «бытийными структурами» жизни, оказываются способны раскрыть истоки и смысл конкретного тождества исторической жизни и исторической истины.

Жизнь нуждается в услугах истории, так как только с ее помощью она в состоянии конституировать свою «временность» в виде ее определенных экстазов –

как единство прошлого, настоящего, будущего. Речь в данном случае не идет о том, что история каким-то образом творит объективное время жизни. Если она в этом случае посредством ретроориентаций что-то и создает, так это образ непрерывного *исторического процесса*, в который в результате раскрытия единства ее прошлого, настоящего и будущего превращается бурный и бескрайний жизненный поток.

Посредством реконструкции этих экстазов история находит и выделяет в жизни не только различные бытийные отношения и относительно самостоятельные «бытийные структуры», но и «основоустройство» (Хайдеггер) ее бытия. Она не просто достает его как нечто существующее из небытия, но превращает в предельное основание осуществления единства экстазов своей временности, которое обеспечивает феноменальный характер их связи «через демонстрацию того, что все до сих пор установленные фундаментальные структуры присутствия в аспекте их возможной целостности, единства и развертывания по сути “временны” и подлежат осмыслению как модусы времени временности» [5]. Данное «основоустройство» проявляется в процессе и результате времени временности в форме не экстазов, но единства модусов тех ретроориентаций, с помощью которых жизнь погружается, «падает» (Хайдеггер) в себя как исторический процесс. Их связь конституирует его обращение в *исторический мир*.

Наконец, всякая ретроориентация, представляя собой специфический способ обращения жизни в «жизнь» истории и реальную историческую жизнь, превращает их противоречивое единство в конкретное тождество. Они не только фиксируют, но и сами особым образом «временят» временность жизни, создают из нее «горизонтное единство схем экстазов» [5] – конституирует то, «как актуальность в единстве времени временности возникает из настоящего и бывшести, так равноисходно с горизонтами настоящего и бывшести временит горизонт актуальности» [5]. Созданное ретроориентациями единство горизонтов бывшести, настоящего, актуальности образует своеобразную систему координат исторического существования жизни, опосредованно которой исторический мир «размыкается» как «экстатично-горизонтное устройство *есть*» [5] и осуществляется «в мире», полагая собственное «бытие-в-мире» в качестве *исторической жизни*.

Будучи объективной мерой постоянного сближения и неуклонного совпадения жизни и истории, ретроориентации устанавливают степень их взаимопроникновения и одновременно с этим полагают метафизический коэффициент их тождества – коэффициент собственной историчности жизни и жизненности истории. Они отражают и выражают то, каким образом в процессе формообразования, конституируя свое «есть», выявляя основоустройство и предельное основание его бытия, раскрывая систему координат своего движения, жизнь превращается в исторический процесс, мир и историческую жизнь.

Если история, в том числе и с помощью ретроориентаций, раскрывает жизнь как исторический процесс, мир и историческую жизнь, то она оказывается способной постичь ее в самой себе – оказывается способной служить ей, а не прислуживать ее прошлому. В этом случае она от жизни получает такую мощную прививку «жизнестойкости», которая позволяет ей не только сохранять, но и порождать ее – позволяет быть всегда «под властью и верховным руководством этой жизни» [3]. В том числе активно и эффективно противостоять всему тому, что мешает, или может помешать, осуществлению жизненного процесса. Используя те жизненные силы, которые заключают в себе объективные «исторические истины», она научается подавлять различного рода аффекты «великих побуждений могучих личностей» [3], разнообразные «эффекты в себе» [3], которые «западают в головы способных эгоистов и мечтательных злодеев» [3], останавливать идолопоклоннические пляски «вокруг плохо понятого монумента какого-нибудь вели-

кого прошлого» [3], привлекать прошлое на суд истории, подвергать его «тщательному допросу» [3] и «от времени до времени пользоваться силой разбивать и разрушать прошлое» [3].

История служит жизни лишь опосредованно служению человеку. Посредством ретроориентаций он открывает в жизни и самом себе те силы, которые обеспечивают не только существование («есть»), но и полноценное бытие жизни – открывает в ней ее «рефлексивное движение» (Сартр) как особую форму единства этих сил.

Ретроориентации обеспечивают рефлексивное, или, что то же самое, «рефлексивное движение» (Гегель) жизни – превращение ее существования в бытие. Делают это они не сами собой, а с помощью человека, который возвышает такие различные формы существования жизни, как исторический процесс, исторический мир и историческая жизнь до их бытийствования, открывает в них посредством рефлексивного движения сущность жизни и раскрывает ее бытие в качестве реальной истории. Они помогают жизни ответить на имеющий для нее первостепенное значение вопрос: «может ли мир и человеческое существование обладать истинным смыслом в этом мире фактичности?» [2]. Опосредованно «первым» и «вторым» (Сартр) рефлексивным движением она отвечает на этот далеко не риторический вопрос утвердительно, т. е. не только размыкает единство экстазов временности и модусы их времени, но и раскрывает способы их обращения в смысл *исторического бытия* жизни.

«Первое рефлексивное движение» жизни «придает бытию личное существование» [4] путем открытия в ней различных ретроориентаций, каждая из которых особым образом характеризует существование экстазов ее временности и определенных форм их времени в историческом процессе, мире и исторической жизни. «Второе рефлексивное движение» с помощью все тех же ретроориентаций обнаруживает горизонты не процесса, мира и жизни, но ее целостного исторического бытия – горизонты осмысленного бытия «круговорота самости» жизни, конституирующие «свободную необходимость бытия» [4] жизни как исторического целого.

Горизонты исторического бытия и человек «живущий»

В свое время Ницше заметил, что «история принадлежит живущему в тройном отношении, как существу деятельному и стремящемуся, как существу охраняющему и почитающему и, наконец, как существу страждущему и нуждающемуся в освобождении» [3]. С помощью принадлежащей ему в форме ретроориентаций истории и своего собственного рефлексивного движения человек «живущий» делает свою жизнь исторической. Посредством их он постигает, достигает и преодолевает горизонты ее бытия. Как существо деятельное и стремящееся, он их полагает. Охраняя и почитая историческую жизнь, человек их достигает. И только страдая и нуждаясь в освобождении, он обретает способность преодолевать эти горизонты и выходить в принципиально иные сферы исторического бытия жизни.

Интересный опыт осмысления горизонтов исторического бытия жизни был накоплен метафизикой XX века. Для Гуссерля принципиально важным было раскрыть «горизонтную структуру всякой интенциональности» [2] и показать ее как «горизонт потенциальности» – горизонт *возможности* существования бытия. Хайдеггер анализировал этот горизонт как горизонт *способности* бытия быть в себе и с помощью себя бытием – как горизонт, «внутри которого понимается “бытие”» [5] в его «бытийной понятливости» и смысле. Для него принципиально важно было «разомкнуть еще более исходный универсальный горизонт» [5], «горизонт всякой понятности бытия и всякого толкования бытия, который можно и должно было вывести на свет и гегуинно осмыслить» [5].

Смысл бытия, по мнению Хайдеггера, заключается в прояснении возможности бытийной понятности вообще. Той самой возможности, о которой в свое время писал еще Гуссерль. Постигается она посредством «высвобождения горизонта, в котором нечто подобное бытию вообще становится понятно» [5]. Вывод о том, что полученный таким образом «набросок смысла бытия вообще может осуществиться в горизонте времени» [5] в процессе «высвобождения горизонта» и его превращения в «горизонтную схему» [5], фактически оказался отправной точкой, с которой начал свое восхождение к определению *горизонта действия* бытия сущего Сартр. Для него было принципиально важно ответить на вопросы, которые поставил Хайдеггер: «Что делает онтологически возможным, что сущее может быть внутримирно встречным и как встречающее объективироваться?» [5]. Как «скрепы имени-дела» [5] способствуют высвобождению и преодолению горизонта бытия?

Вопрос о горизонтах действия бытия сущего Сартр сформулировал следующим образом: «Откуда проистекает сила, которая должна, таким образом, внезапно выявить “человеческую реальность” в небытии?» [4]. Отвечая на него, он, с одной стороны, следовал существующей традиции осмысления возможности и способности бытия быть и иметь горизонт – «ничто, которое отделяет человеческую реальность от нее самой, лежит у истоков времени» [4]; с другой стороны, преодолевал ее, ибо в качестве силы, способной освободить горизонт бытия и выявить человеческую реальность, он рассматривал человека, который «отделен от себя самого всей широтой бытия, которое не есть он. Он заявляет о себе самому себе из другой стороны мира и, овнутряясь, пробивается к себе, ориентируясь на горизонт» [4]. Именно «в движении овнутрения, пронизывающем все бытие, бытие возникает и устраивается как мир, не отдавая первенства ни движению над миром, ни миру – над движением» [4]. И только с его помощью жизнь устраивается как историческое бытие и «человеческая реальность».

Для Сартра было принципиально важным доказать, что «возможное не есть, возможное делает себя возможным» [4], и «оно постигается из мира в круговороте самости» [4], оказавшись в котором «мои возможности появляются на горизонте мира, который они делают моим» [4] – делают моим историческим бытием.

Возможное делает себя возможным, способным достичь горизонтов своего бытия с помощью «первого рефлексивного движения». В процессе «круговорота самости», который осуществляется посредством «второго рефлексивного движения», происходит освобождение этих горизонтов и становление исторического бытия жизни – она превращается в такое бытие («человеческую реальность»), в котором «без самости, без личности нет мира» [4]. Безусловная заслуга Сартра заключается в том, что он, кроме всего прочего, доказал, что мира нет не только без личности и самости, но и без свободы. Доказал, что освободить горизонты бытия человек может, лишь будучи свободным, т. е., как минимум, способным отличить себя «от бытия “человеческой реальности”» [4].

Отвечая на вопрос: «чем должна быть человеческая свобода, если посредством нее в мир приходит ничто?» [4], Сартр замечает: «Если спросят, каково это ничто, служащее основанием свободы, мы ответим, что его нельзя описать, поскольку оно не есть, но можно, по крайней мере, придать ему смысл, сказав, что это ничто является бывшим, посредством человеческого бытия в его отношениях с собой» [4]. По его мнению, «свобода и есть человеческое бытие, ставящее свое прошлое вне действия, выделяя свое собственное ничто» [4]. Она также есть не только *свобода бытия*, но и *свободное бытие* – «оно свободно, и его свобода есть в себе самой собственной границей» [4], которую бытие достигает с помощью будущего. Свободное бытие является будущим «человеческой реальности», которо-

го «нет, оно в возможности. Будущее является непрерывным становлением возможностей» [4].

Свобода бытия (прошлое) и свободное бытие (будущее) открывают и раскрывают ничто, но не в состоянии разомкнуть процесс его ничтожения. Для этого необходимо, чтобы его бытие было реализовано как *бытие свободы*, что возможно только путем освобождения ничто от соответствующих горизонтов «Я» этого бытия. А поскольку «Я являюсь бесконечностью возможностей» [4] и в нем «некоторая возможность выступает как более определяющая для смысла настоящего» [4], то в ряду бесконечных возможностей настоящего «существуют дыры» [4]. Они заполняются «посредством конституирования однородного времени, без пропусков, в ходе волевого действия, т. е. через рациональный и тематизирующий выбор в функциях моих возможностей, которые не являются и не будут никогда моими возможностями и которые я буду реализовывать в рамках полного безразличия, чтобы соединиться с возможностью, которой я являюсь» [4]. А этой возможностью Я является исключительно в *настоящем* времени. Выбирая его, Я выбирает себя – не свободу бытия и не свободное бытие, но бытие своей свободы.

В поисках свободы жизнь постигает, достигает и преодолевает горизонты своего бытия путем конституирования его «универсальной временности» на «основах первоначальной временности» [4]. Она открывает их как свободу бытия посредством постановки *прошлого* вне его действия. Бытие жизни раскрывает свободу как свободное бытие в виде *будущего* – непрерывного становления (делания) возможностей. Оно реализует свободу в *настоящем* в форме выбора человеком своих возможностей – выбора им бытия своей свободы и посредством установления им в настоящем способа «быть и не быть своим прошлым и будущим как бытием» [4].

С помощью экстазов временности ретроориентации конституируют горизонты исторического бытия жизни. Определяют возможности, способности, действия человека, пытающегося их достичь, раскрыть и преодолеть. Они предоставляют «живущему» относительную свободу бытия его жизни. Позволяют человеку в рамках свободного бытия обрести свою самость и в процессе реализации бытия свободы осуществить «круговорот самости» жизни. В том случае, если жизнь больна историей, а именно это сейчас и происходит в России и является предметом нашего исследования, в ней возникает огромный «избыток исторического» (Ницше), который в конечном итоге ничтожит жизнь, человека и историю. Прежде чем мы проанализируем происходящее с ними в условиях «избыточной истории», мы выделим и определим те исторические дискурсы, с помощью которых жизнь и история конституируют «круговорот самости» ретрожизни.

Исторические дискурсы «избыточной истории»

Перенасыщенность жизни историей, как считал Ницше, рождает иллюзию особенности переживаемой исторической эпохи, нарушает основные инстинкты народа, порождает веру в неизбывную старость человечества и контраст между внутренним и внешним исторической жизни людей, подрывает пластическую силу жизни, искажает ее горизонты и перспективы, парализует и подрывает жизненные силы человека, порождает иронию, цинизм и эгоизм в его практических устремлениях. В условиях «избыточной истории» историческое знание «перестает действовать в качестве мотива, преобразующего и побуждающего проявиться во вне, и остается скрытым в недрах некоего хаотического внутреннего мира, который современный человек со странной гордостью считает свойственной ему лично “духовностью”» [3]. Из-за избытка истории жизнь людей распадается «на мелкие куски, мы в нашем целом разделены полумеханически на внутреннее и внешнее, мы засыпаны понятиями, как драконовыми зубами, из которых выра-

тают понятия-драконы; мы страдаем болезнью слов, не доверяя никакому собственному ощущению, если оно еще не запечатлено в форме слов; в качестве такой мертвой и в то же время жутко шевелящейся фабрики понятий и слов» [3]. С их помощью осуществляется право человека и жизни на «пустое “бытие”» [3]. Избыточная история не только заглушает и опустошает жизнь, но и «в избытке истории человек снова перестает быть человеком» [3]. Она научается так жонглировать «чудовищными понятиями-ублюдками», что в процессе их присвоения человек погружается «в бесконечно-безграничное световое море познанного становления» [3] в котором он, лишенный жизни, веры в устойчивое и вечное, находит свою смерть – «смерть знания» [3].

Ницше был, безусловно, прав, когда писал, что «история должна сама разрешить проблему истории, знание должно обратить свое жало против самого себя» [3]. Змея должна проглотить свой хвост. Что она и делает, правда с прямо противоположным эффектом. С одной стороны, история конституирует в себе некие дискурсы, с помощью которых она пытается предать забвению всё то, что есть реальная историческая жизнь, но при этом все-таки удерживать уже «познанное становление» в определенных жизненных границах и пределах. С другой стороны, она находит в жизни и самой себе такие духовно-практические формы своего осуществления, такие в достаточной степени устойчивые и воспроизводимые ретроориентации, единство которых образует своеобразную систему координат, в которой в форме разных как бы «исторических» ситуаций, событий, состояний происходит «оживление» истории и «историоризация» жизни.

Современное историческое познание погружает нас в мир избыточности и пустоты с помощью вполне себе традиционных способов своего рефлексивного движения. Об их нетрадиционном использовании и соответствующих результатах много и подробно писал в свое время Ницше. По идее они были призваны помочь жизни открыть горизонты ее исторического бытия, раскрыть способы ее осуществления в качестве целостного и осмысленного исторического процесса, мира и исторической жизни – раскрыть возможности миропорядка, которые «как таковые придают ему единство и его смысл мира» [4]. Но в условиях обострения «исторической болезни», что и случилось в современной России, эти способы рефлексивного движения истории превратились в цепи, с помощью которых «живущий» человек оказывается навсегда прикован к прошлому – «как бы быстро он ни бежал, цепь бежит вместе с ним» [3].

Ницше выделял и анализировал три «рода истории», которые мы, в соответствии с современными представлениями о природе и структуре исторического познания, называем историческими дискурсами. По его мнению, история оказывает соответствующие услуги жизни с помощью «монументального, антикварного и критического» [3] дискурсов. Всякий из них открывает и «видит в главных инстинктах масс наиболее важные и значительные факторы истории, а на всех великих людей смотрит как на наиболее яркое выражение их, как на род пузырьков, отражающихся на поверхности воды» [3]. Вместе они фиксируют, отражают и выражают некую историческую силу, которая движет «в течение более или менее продолжительного времени такими массами» [3].

Монументальное воззрение на историю требует, «чтобы великое было вечным» [3]. Для того, чтобы «втиснуть индивидуальность прошлого в одну общую форму и в целях полного соответствия обломать все ее острые углы и линии» [3] и тем самым восстановить ее «полную иконическую истинность» [3], надо сделать не так уж и много – следует лишь проигнорировать причины. В результате история превратится в собрание «эффектов в себе», т. е. «таких событий, которые будут всегда и везде производить эффект» [3]. Которые «как амулет, носят на сердце предприимчивые натуры» [3]. В этом случае истории «грозит опасность

подвергнуться некоторому искажению, приукрашиванию и в силу этого сближению со свободным вымыслом» [3]. В случае господства монументального рода истории над всеми иными ее родами «целые значительные отделы прошлого предаются забвению и пренебрежению и образуют как бы серый, однообразный поток, среди которого возвышаются, как острова, отдельные разукрашенные факты» [3].

Тот, кто в отличие от человека, желающего создать великое как вечное, «желает оставаться в пределах привычного и освященного преданием, тот смотрит на прошлое глазами историка-антиквара» [3]. Он служит жизни посредством переселения душ: «консервативная и благочестивая душа антикварного человека как бы переселяется» [3] в «мелкое, ограниченное, подгнившее и устарелое» [3]. Он «открывает самого себя во всем этом» [3]. Здесь «жилося недурно, говорит он, ибо и сейчас живет недурно; здесь можно будет жить недурно и в будущем, ибо мы достаточно упорны и с нами не так-то легко справиться» [3]. Историк-антиквар «приветствует душу своего народа как свою собственную душу» [3]. Его «способность проникать в сокровенный смысл событий, предчувствовать этот смысл, способность идти по почти стершимся следам, инстинктивное умение правильно читать закрывающие друг друга письма прошлого» [3] позволяют ему видеть лишь то, что «ограничено очень тесными горизонтами, многого они вовсе не замечают, а то немногое, что входит в круг их зрения, они видят слишком близко и слишком изолированно; они не находят подходящего масштаба для последнего» [3]. Это позволяет им вместо того, чего они не видят, помещать в историю свои жизненные инстинкты и аффекты, выдавать их за буйство жизни, не сохраняя, но «бальзамируя» ее, помещая, тем самым, человека в «атмосферу затхлости» [3]. Когда антикварная история заглушает все иные, она лишь сохраняет жизнь, но не порождает ее. Сдерживает ее энергетическую решимость и «парализует силы деятеля» [3]. Особо следует отметить ее умение озарять жизнь «парализованной» жизни, «скромные, суровые и даже убогие условия, в которых живет отдельный человек или народность, светом простого, трогательного чувства удовлетворения и довольства» [3].

Критический «род истории» провозглашает, что «человек должен обладать и от времени до времени пользоваться силой разбивать и разрушать прошлое, чтобы иметь возможность жить дальше» [3]. С этой целью он «привлекает прошлое на суд истории, подвергает последнее самому тщательному допросу и, наконец, выносит ему приговор» [3]. После того как приговор вынесен, начинается самое главное: жизнь с находящейся у нее на службе историей пытается «создать себе a posteriori такое прошлое, от которого мы желали бы происходить в противоположность тому прошлому, от которого мы действительно исходим» [3]. При этом она совершенно не допускает, «чтобы получился какой-нибудь результат в действительном значении этого слова, именно в смысле известного воздействия на жизнь и деятельность людей» [3]. Историческая «объективность» в этом случае добывается апологетами данного «рода истории» очень просто: «на самое четкое черным по белому они тотчас накладывают свою промокательную бумагу, самый изящный рисунок они пачкают жирными штрихами своей кисти, которые выдают за поправки, – и дело сделано» [3].

Когда жизнь с помощью истории использует прошлое в монументальном, антикварном, критическом смысле, ее ретроориентации не просто оживают. Они вне всякой меры, с избытком заполняются произведенными эффектами, аффектами и судебными решениями, с одной стороны, провоцирующими не просто риск заражения жизни «исторической болезнью», но ее превращение в эпидемию; с другой стороны, они пробуждают к жизни только те силы, которые при определенных условиях оказываются способными если и не вылечить болезнь, то локализовать

эпидемию, установить порядок жизни, гарантирующий ее продолжение и защиту людей если не от исторической смерти, то хотя бы от страха перед ней.

Прежде чем произвести «окончательный расчет с жизнью» [3], история с помощью все тех же исторических дискурсов пытается таким образом организовать ее ретроориентации – превратить их в устойчивые траектории своего движения, чтобы они не только не мешали ей, а, напротив, помогали посредством «избытка» истории сохранять и приумножать собственные жизненные силы. Что с того, что «в избытке истории человек снова перестает быть человеком» [3] и «оглядываясь назад, он чувствует себя слепым» [3]? Жизнь с «избыточной историей», но без человека может быть и не очень комфортна, но зато она всегда может с помощью своего верного слуги и его ретроориентаций воссоздать в себе то, что делает ее существование реально существующим. Потеря жизнью, вслед за человеком, своего исторического бытия возвращает ей некоторые возможности к существованию, пробуждает в ней способности к их осуществлению, превращает ее спонтанные действия в бурный, но сущностно ограниченный жизненный поток. То, что в этом случае происходит с жизнью, напоминает всё то, что с ней происходило в условиях эпидемии чумы. Тогда власть организовывала жизнь так, чтобы она могла эффективно противостоять эпидемии. В случае с эпидемией «исторической болезни» эту роль исполняют не просто «роды истории», которые, кроме всего прочего, сами по себе порождают «избыток» истории, но некие созданные при их участии ретроориентации, ставшие своеобразными «жизненными силами», способными организовать жизнь таким образом, чтобы ее прошлое стало единственным и предельным основанием ее осуществления – чтобы она могла «пользоваться прошлым как здоровой пищей» [3]. Об этих ретроориентациях, которые под куполом советской истории организуют ретрожизнь как исторический процесс, мир и историческую жизнь, мы и поговорим подробнее в следующем разделе нашего исследования.

Литература

1. Бодрийар Ж. Фатальные стратегии. – URL: <https://www.rulit.me/books/fatalnye-strategii-read-380828-1.html> (дата обращения: 04.02.2020).
2. Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. – URL: <https://www.litmir.me/br/?b=285053&p=1> (дата обращения: 04.02.2020).
3. Ницше Ф. О пользе и вреде истории для жизни / пер. Я. Бермана. – СПб. : Лань, 2013. – URL: <https://e.lanbook.com/book/5897> (дата обращения: 04.02.2020).
4. Сартр Ж. П. Бытие и ничто : опыт феноменологической онтологии. – URL: <https://e-libra.ru/read/193325-bytie-i-nichto-opyt-fenomenologicheskoy-ontologii.html> (дата обращения: 04.02.2020).
5. Хайдеггер М. Бытие и время / пер. с нем. В. В. Бибихина. – URL: <https://www.litmir.me/br/?b=95901&p=1> (дата обращения: 04.02.2020).

Vladimir Anatolyevich Loskutov,
Doctor of Philosophical Sciences, Professor (Yekaterinburg)

Retro Life – Life Under the Dome of Soviet History (The First Article)

The article presents an attempt to reconstruct the ultimate historical foundations and forms of modern Russian life that turn it into Retro life. As the analysis showed, those “foundations” of Soviet history (totalitarianism, building socialism) occupy a special place among these bases, the specific unity of which, at present, forms the supporting structure of a kind of a dome erected by the authorities over the life and history of post-Soviet Russia. It is concluded that, under this dome, by the laws of “excess history” and with the help of the historical discourses,

generated by it, a kind of synthesis of some retro orientation takes place, as a result of which a stable coordinate system of the “cycle of the self” of the historical being of modern Russian life and history appears. The author claims that getting into this cycle, its being is not just depleted, but becomes meaningless - there comes a “catastrophe of meaning”. The article considers in detail how, with the help of which mechanisms and means, being under the dome of Soviet history, Retro life in an expanded scale reproduces the freedom of power and the lack of society's freedom, turns modern Russian history into meaningless and catastrophic life.

Keywords: Soviet history; Retro life; retro orientations; historical discourses; freedom; power; meaning.